

ПАПА ВСЁ УСТРОИТ

РОМАН

АРТЕМ САВЕНКОВ

Арте́м Саве́нков

Папа все устроит

«Автор»

2026

Савенков А.

Папа все устроит / А. Савенков — «Автор», 2026

«Папа всё устроит» — так в семье Гориных говорят много лет. И Виктор привык соответствовать: чинить, добывать, решать, не показывать страха. Но однажды его сокращают. Жена восстанавливается после операции, дочь мечтает поступить на архитектора, а он каждое утро надевает выглаженную рубашку и уходит на работу, которой больше нет. Первая ложь должна была подарить близким несколько спокойных дней. Новая должность — вернуть прежнюю жизнь. Первая сомнительная подпись — только выиграть время. Пока Виктор убеждает себя, что защищает свой дом, чужие семьи доверяют ему деньги на свои. Сколько правды выдержит любовь, которую годами оберегали от правды? Роман о мужчине, который умел быть опорой для всех — и не умел сказать: «Я не справляюсь». О нежности, ставшей властью. О цене обещаний и мужестве остаться рядом, когда больше нечего обещать.

© Савенков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Часть вторая	27
Глава 11	28
Глава 12	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Артем Савенков

Папа все устроит

Артем Савенков
Папа всё устроит
Роман

Часть первая

Человек на месте

Глава 1

Рубашка

В первое утро без работы Виктор Горин проснулся раньше будильника и некоторое время лежал, стараясь понять, что именно забыл.

За стеной прошуршали тапочки. Марина открыла гладильную доску: сначала коротко щёлкнула защёлка, потом ножки с привычным жалобным звуком разошлись по линолеуму. Эти звуки означали понедельник. Теперь у Виктора не было понедельника, но квартира об этом ещё не знала.

Он поднялся, выключил будильник до звонка. В ванной намылил лицо. Над раковиной оставалось маленькое пятно, которое он собирался закрасить с весны. Сегодня можно было закрасить хоть всю стену.

— Вить, голубую или белую?

— Голубую.

— На стуле заберёшь. И посмотри потом утюг. Плюётся.

— Не плюётся, а пар подаёт.

— Пусть в себя подаёт. У меня теперь рубашка с веснушками.

Виктор провёл ладонью по щеке, нащупал пропущенный участок. Повторил движение бритвой. В зеркале стоял мужчина пятидесяти одного года, почти без седины спереди, с немного опухшими веками. Начальник производства. С этого утра — бывший.

На кухне Даша сидела, прижав колено к груди, и искала что-то в телефоне. На столе лежали карандаши, хлеб, прозрачный пенал и лист, на котором их квартира выглядела значительно просторнее.

— Пап, сколько у нас от двери до окна?

— Четыре двадцать.

— А вчера ты сказал четыре сорок.

— Вчера вместе с простенком.

— Нам квартира за ночь уменьшилась?

— Это ты вещи в ней раскладываешь, она и уменьшается.

Даша улыбнулась, не поднимая глаз. У неё была Маринина привычка: сначала улыбка появлялась с одной стороны рта, словно человек ещё проверял, действительно ли смешно.

Марина вошла с рубашкой на вытянутых руках. Раньше она зажимала плечики под подбородком, чтобы освободить пальцы, теперь берегла руку после операции. Виктор шагнул к ней.

— Давай. Я сам бы погладил.

— Ты бы сначала проверил утюг, потом составил акт неисправности. Мне быстрее.

Она помогла расправить воротник. Он почувствовал на шее сухое тепло её пальцев и захотел немедленно сказать. Вот сейчас, пока Даша увлечена своим листом, пока Марина рядом и ничего особенного ещё не произошло.

«Меня сократили. В пятницу был последний день».

Но она спросила:

— В среду поедешь со мной? К десяти. Там ещё до приёма анализа.

— Конечно.

— Если с передачей дел не успеваешь, я Люду попрошу.

— Успеваю.

Он застегнул верхнюю пуговицу, потом расстегнул. На заводе всегда ходил без галстука.

— А перевод когда? — спросила Даша.

— Согласовывают.

Слово легло между маслом и карандашами. Никто не заметил, как трудно оно вышло.

Марина повернулась к плите. Суп в маленьком контейнере пах укропом; этот запах в последние недели мешал ей есть, поэтому готовила она теперь с закрытой дверью.

— Разогрей нормально. Не пей холодный из банки.

— Я не пью из банки.

Даша наконец подняла голову.

— В прошлый раз ты вилкой суп ел.

— Это был очень густой суп.

— Это был обычный суп. Просто ложку ты дома забыл.

Они засмеялись. Марина придержала рукой бок и тоже засмеялась, коротко, с досадой на собственное тело. На секунду Виктор почувствовал почти счастье: они здесь, слышат друг друга, утро можно поправить.

Он положил контейнер в сумку.

— Хлеба купи, — сказала Марина. — Только обычного. Тот с семечками снова весь тебе оставили.

— Знаю.

— И вечером пять минут на университеты, — добавила Даша. — Именно пять минут. Без твоего «давай я кому-нибудь позвоню».

— Папа всё устроит, — сказала Марина, подбирая карандаш с пола.

В её голосе была нежность, чуть насмешливая от долгого употребления. Так говорили, когда он чинил розетку, возвращал неправильно начисленные деньги, перевозил книжные шкафы. Домашняя шутка, заслуженная годами.

Виктор кивнул.

На улице пахло мокрым тополем и хлебом из киоска. В первый учебный день дети несли цветы, слишком большие для своих курток. У остановки уже стояли двое с предприятия. Горин увидел их раньше, чем они его, и замедлил шаг. Наклонился, будто поправляя шнурок. Автобус подошёл, прикрыл собою людей, забрал их.

Когда он распрямился, остановка опустела.

Телефон показывал семь сорок две. До планёрки оставалось восемнадцать минут.

Он мог вернуться. Снять рубашку, положить на стол документы, объяснить про уведомление, про несостоявшийся перевод, про деньги, которые поступили в пятницу. Работу он найдёт. Не завтра, так через неделю. Марина расстроится; Даша начнёт говорить, что можно не ехать. Придётся отвечать на вопросы, на которые ответов пока не было.

Сначала найти место. Потом рассказывать. Чтобы сразу с решением.

Он пошёл вдоль проспекта в сторону центра. На светофоре сумка ударила его по бедру; внутри тихо звякнула положенная Мариной ложка.

В восемь он машинально посмотрел на часы.

Планёрка началась без него.

Глава 2

Последняя подпись

В пятницу последним работал степлер.

Горин нажал на него, скрепляя акт передачи инструмента, и скоба вышла криво. Он вытащил её ногтем, перевернул стопку, попробовал ещё раз.

— Не отдавай, — сказал Спирин с порога. — Из всего оборудования один он у нас по специальности.

— Заедает.

— А кто сейчас не заедает? Ты его двадцать лет без отпуска держал.

Сергей стоял в чистой футболке с выгоревшим прямоугольником на груди. В нагрудном кармане раньше лежал телефон, и солнце оставило память о нём. Теперь телефон был в руке: Сергей ждал звонка со склада, куда уже договорился выйти в понедельник.

Горин не договорился никуда.

Два месяца назад, когда принесли уведомления, он думал, что начальника производства просто так не отпустят. Останется сервис, останется ремонт, кому-то нужно будет вести документацию. Директор говорил: «Есть разные варианты». Виктор услышал тот, который хотел. Через неделю повторил дома: «Меня переводят». Марина тогда ждала результаты после операции. Обсуждать собственное будущее казалось почти неприличным.

Теперь варианты закончились.

В цеху скрипела тележка. Снимали таблички со шкафчиков. Кто-то приклеил к опустевшему шкафу объявление «Сдаётся начальнику с хорошим характером». Горин хотел улыбнуться, но в это время молодой технолог Женя попросил помочь с перечнем оснастки.

— У вас вот здесь номера не сходятся.

Виктор взял лист.

— Это после переноса. Старый участок оставили в заголовке. Смотри: семьдесят четвёртый — он физически в третьем, а по ведомости во втором.

Женя наклонился. У него была привычка слушать с открытым ртом, от которой Виктор безуспешно отучал его полтора года.

— Понял. Спасибо, Виктор Анатольевич.

Имя с отчеством ещё работало. Можно было спросить, получить ответ и продолжить дело. Виктор задержал лист, проверил ещё две строки. В одной обнаружил ошибку.

— Вот здесь тоже исправь. Пока все на месте.

— У вас куда дальше?

Женя спросил без любопытства, даже с надеждой: возможно, начальник знал, куда собирается их разъезжающийся мир.

— Есть предложения.

— Ну да. Вас-то с руками.

Женя ушёл, а Виктор остался держать в пальцах след от бумаги.

Деньги поступили после обеда. Последняя зарплата, неиспользованный отпуск, положенные при сокращении выплаты — бухгалтерия свела всё в одну сумму. Сто шестьдесят четыре тысячи. Виктор открыл приложение, посмотрел на цифры и закрыл. Вместе с оставшимися сбережениями было двести пятьдесят. Он повторил это число несколько раз, будто оно могло стать больше от правильного произношения.

За стеной кто-то поднял пластиковый стаканчик.

— За встречу на лучших местах!

— Кому места, кому место, — ответил Спирин. — Не обобщай.

Пили чай, растворимый кофе, немного того, что наливали за шкафом. Горин не стал. Ему ещё вести машину, а потом заехать за продуктами, купить Марине творог, который она могла есть. В календаре по-прежнему было много дел.

Директор собрал оставшихся в кабинете. Говорил устало, без торжественности. Поблагодарил за годы. Телефон у него дважды завибрировал, и на второй раз он посмотрел. Горин заметил это и вдруг перестал злиться: директору тоже нужно было знать, что будет дальше. Просто у него ещё был человек, который звонил.

Сергей остался ждать в коридоре.

— Пойдём, начальник. А то сейчас назад устроишься.

— Ты на склад надолго?

— До богатства. Я уже предупредил, что перспективный.

— По деньгам как?

Спирин назвал сумму, на которую Горин ещё летом не согласился бы даже временно.

— И что?

— Что «что»? Работаю. Коробки не знают, кем я раньше был. Удобный коллектив.

Виктор убрал со стола кружку. На дне осталась тёмная полоса, не отмывавшаяся ничем. Марина предлагала новую, а он всё забывал принести. Теперь кружка влезала в сумку, и это оказалось почему-то особенно неприятно.

Он обошёл кабинет, проверяя, не осталось ли личного. На стене светлел прямоугольник от снятого календаря. Завтра здесь можно было размещать другой стол, складировать коробки или вообще погасить свет. Кабинет был комнатой. Только комнатой.

У охраны Виктор отдал ключи. Списанный пластиковый пропуск ему вернули.

— Хотя на память, — сказал охранник.

Виктор сунул его в карман.

— Ну, бывай, Анатолич, — сказал Сергей уже на улице.

Он пожал руку чуть крепче обычного, не задерживая.

— Позвони, если что.

— Конечно.

Сергей пошёл к остановке, по пути отвечая на звонок. Виктор проводил его взглядом и повернулся к заводским воротам. Сетка, облупленная серая краска, маленькая калитка, которую он прежде открывал, не вынимая руки из кармана.

Дома Марина спросила:

— Как день?

Виктор поставил пакет на стол, достал творог.

— Передавали дела.

Это было правдой. И всё-таки уже тогда, ещё до первого безработного понедельника, он слышал, как можно солгать правдой.

Глава 3

Маринино утро

Когда за Виктором закрылась дверь, Марина села на табурет, который только что собиралась переставить.

Усталость приходила без предупреждения и без понятной причины. Минуту назад она стояла, гладила, отвечала Даше; теперь нужно было дожидаться, пока кухня перестанет требовать от неё движения. Сесть не означало отдохнуть. Просто некоторое время можно было ничего не удерживать.

На холодильнике висел календарь. Приёмы были обведены зелёным. Марина сама выбрала этот цвет: красный показался ей слишком настойчивым.

Даша вернулась из коридора за телефоном.

— Мам, ты как?

— Хорошо. На линейку не опоздай.

— У нас теперь не линейка, а торжественное мероприятие.

— Тогда торжественно не опоздай.

Дочь подошла, поцеловала её в висок и быстро ушла. Марина подождала второго щелчка замка. Даша всегда возвращалась за чем-нибудь, но сегодня вспомнила всё заранее.

Она налила чай. От хлеба с маслом пришлось отказаться после первого укуса: вкус вдруг стал чужим, металлическим, хотя ничего металлического в хлебе не было. Марина осторожно завернула остаток. Выбрасывать было противно, доедать невозможно. Именно такие маленькие затруднения раздражали её сильнее красивых слов о борьбе.

Телефон подал голос.

«Мариночка, не думай о работе! Сейчас главное — ты!»

Сообщение прислала заведующая Люда. Следом пришло ещё одно:

«А у тебя случайно нет названия улицы до переименования? На обороте фото 1958 год, всё расплылось».

Марина рассмеялась и записала голосовое:

— Если главное — я, то улица Речная. Но проверь по описи, там два похожих снимка. Один с кинотеатром, другой до стройки. И не пиши «довоенный», Люд. Это не настолько старая жизнь.

Ей хотелось продолжить. Рассказать про женщину, которая когда-то принесла эти фотографии, про мальчика на ступеньках, которого они с трудом нашли уже пенсионером. В библиотеке собирали маленькую выставку о городе. Марина занималась ею до диагноза и продолжала теперь, хотя окружающие считали правильным оставить ей только отдых.

Отдыхать от собственной жизни было тяжелее, чем работать.

Позвонила двоюродная сестра. Спросила о самочувствии, получила обычный короткий ответ и уже собиралась прощаться. Марина попросила не класть трубку: хотелось услышать, как у неё с ремонтом. Сестра удивилась, потом рассказала про мастера, который обещал закончить за неделю и теперь приходил только за оставленным инструментом. Жаловаться больному человеку считалось неловким. Марина разрешила. Через несколько минут они уже спорили, стоит ли самой снимать старую плитку. Чужая обыкновенная неприятность неожиданно вернула ей место среди живущих, у которых есть не только диагноз.

Она открыла папку на ноутбуке. Слова на экране некоторое время не складывались. Тогда убрала компьютер и пошла к окну.

Во дворе соседка Тамара Ивановна разговаривала с дворником, держа пакет на отлёте. Горина знала: в пакете кабачок. На этой неделе кабачки уже предлагали трижды, каждый раз как единичную удачу. Можно было бы не спускаться, но Тамара подняла голову и помахала.

Через десять минут соседка стояла на пороге.

— Я ненадолго. У тебя есть большая сковорода?

— Если для кабачка, у нас таких сковород не производят.

Тамара засмеялась и оставила пакет на тумбе.

— Это тебе. Чистенький, свой. А то мало ли чего сейчас.

Марина поблагодарила. Приготовилась к вопросам. За последние месяцы научилась узнавать паузу, в которой люди выбирали между участием и любопытством.

— Витя на передаче ещё? — спросила соседка.

— Пока да. Потом в другое направление.

— Хорошо, если перевод. Мой племянник заявление подал, так ему сказали ждать. А чего ждать, холодильник не ждёт.

Марина кивнула. Когда дверь закрылась, постояла, опираясь ладонью о прохладную стену. О работе Виктор говорил мало. Впрочем, он всегда сначала делал, потом рассказывал, и обычно это было удобно. Очень удобно, если честно. Машина отремонтирована, счёт исправлен, Даша записана к врачу. Можно было благодарить, не участвуя в трудной части.

Теперь удобство стало раздражать.

В областной больнице он отвечал за неё. Врач спрашивал, как она переносила предыдущий курс, а Виктор уже рассказывал про сон, про аппетит, про температуру. Марина сидела рядом со своим телом, словно приехала его сопровождать.

В среду она ответит сама.

Днём она вымыла одну полку в холодильнике и больше ничего. Приготовила ужин в несколько приёмов. Успела поговорить с Людой: нашли фамилию на фотографии. Это был хороший результат дня, хотя никто, кроме них двоих, не понял бы, отчего так приятно.

Виктор вернулся с обычным хлебом. Выглядел спокойным, почти слишком спокойным для человека, который весь день закрывал незакрывающееся предприятие.

— Обед ел?

— На бегу.

Она достала контейнер. Суп едва убавился.

— Что-то у тебя бег неторопливый.

— Перехватили с мужиками.

Марина поставила контейнер в холодильник. Хотела спросить ещё, но он уже рассказывал, что посмотрел уют, нужно почистить отверстия, и ничего сложного там нет.

— Завтра сделаю.

Она кивнула.

Календарь за его спиной шелестел от сквозняка. Зелёные кружочки были видны даже с другого конца кухни. Марина вдруг захотела нарисовать там ещё один, без больницы и без обязательного хорошего результата. День, когда можно спросить друг у друга как дела и получить ответ длиннее слова «нормально».

Глава 4

Молодой коллектив

В анкете не хватало места для прежней работы.

Виктор уменьшил шрифт. Вместо «организация производства и обеспечение выполнения производственного плана» написал «организация производства». В соседней графе всё равно осталось пустое поле: «Чего вы ожидаете от команды?»

Он ожидал, что она будет работать. Написать это казалось невежливым.

Девушка за стойкой подняла глаза.

— Закончили?

— Почти. У вас тут молодой коллектив указан.

— Да.

— Мне кем, историческим консультантом?

Она улыбнулась из вежливости и объяснила, что возраст не принципиален. Виктору стало неловко: он принёс шутку, которая ещё вчера рассмешила бы своих, а здесь ей пришлось обслужить чужое самолюбие.

Фирма занималась упаковкой. В кабинете пахло новым покрытием пола и кофе. Собеседовавший его мужчина всё время поворачивался к экрану, где всплывали сообщения.

— Нам человек нужен с широким функционалом.

— Это что значит практически?

— Закупки, люди, план, отгрузка. Чтобы я в это не погружался.

— Сколько людей?

— Двенадцать. Бывает шестнадцать. Склад тоже.

Названная зарплата была почти вдвое меньше прежней.

— Полномочия какие? — спросил Виктор.

— В смысле?

— Поставщика менять могу? Заказ переносить, если материал не пришёл? Людей добирать?

— Вы мне предлагаете сразу всё отдать?

Они посмотрели друг на друга. Виктор объяснил, почему за результат невозможно отвечать отдельно от возможности что-нибудь решить. Мужчина кивнул, но теперь уже ждал конца встречи.

На улице Горин почувствовал привычное удовлетворение: не согласился на неподходящие условия. Через квартал удовлетворение закончилось. Пришлось достать телефон и искать следующий адрес.

В ремонтном центре его встретил начальник участка, которому было лет тридцать семь. На столе стоял разобранный насос. Мужчина не говорил о команде и сразу спросил, с каким оборудованием Горин работал сам.

Виктор рассказал.

— Здесь часть другая, — сказал начальник. — Обучиться можно. Но отдельной ставки для организатора сейчас нет. Нужен мастер, который встанет рядом. Первое время руками больше, потом посмотрим.

— Сколько?

— Сорок восемь на руки. Оформление, график обычный. Бывают выезды.

Виктор посмотрел на насос. По потёртым креплениям было видно, что его уже разбирали, причём неудобным инструментом. Захотелось сказать. Он сдержался.

— Мне бы руководящую работу.

— Понимаю. Но я вам её не обещаю. Если появится, посмотрим. Объём у нас меньше вашего, руководитель пока справляется один.

Человек не пытался его унижить. Предлагал то, что имел, и не сочинял перспектив для украшения разговора. Именно поэтому спорить было не с чем.

— Можно до пятницы подумать?

— Конечно. Только если раньше закроем, позвоню.

Начальник протянул визитку.

Виктор вышел, остановился возле машины и ещё раз посмотрел на цифру, которую записал в блокнот. Сорок восемь. У Марины сейчас выходило около двадцати. Почти семьдесят. Если что-то отложить, что-то убрать, подготовку Даши пересмотреть. Только чтобы это сделать, надо было говорить с ними обеими.

Он представил, как дочь начнёт искать варианты подешевле. Как Марина скажет, что можно ездить на автобусе. Как они трое будут наклоняться над листком, в котором его прежняя зарплата окажется зачёркнутой.

Пока рано.

В машине он набрал в поиске «руководитель производства вакансии». Добавил областной город. Удалил: каждый день столько не наездишь, а снимать жильё — бросить Марину одну. Можно вахту, но сейчас тоже нельзя. Работа должна была отвечать сразу всем условиям, которые ещё недавно выполнялись сами собой.

Позвонила Марина.

— Ты занят?

— Нет. Что такое?

— Ничего. Завтра время подтвердили. Я тебе написала, но ты не посмотрел.

— Сейчас посмотрю.

— У вас там как?

— Согласование нового проекта задерживают.

Он произнёс это, глядя на визитку ремонтного центра.

— Вить, если надо, я с Людой.

— Я отвезу.

— Я не про отвезти. Я вообще спрашиваю.

Он услышал паузу, но не воспользовался ею.

— Да нормально всё. Просто волокита.

После разговора Виктор убрал визитку в отделение для мелочи. Думать о предложении можно было до пятницы. Искать настоящее место — прямо сейчас. Он завёл двигатель и неожиданно для себя поехал по дороге к заводу. Понял это только на повороте, где всегда включал указатель.

Машина послушно повернула, прежде чем он успел выбрать другое направление.

Глава 5

Обед на троих

Спирин заметил его у ящика с помидорами.

— Ты чего тут, проверяешь входной контроль?

Виктор держал помидор, который не собирался покупать, и поэтому вопрос оказался неприятно точным.

— Домой беру.

— Угу. Сорок минут назад ты ещё вон там выбирал. Пойдём поедим. Место знаю, где салфетки без дополнительного соглашения.

На рынке Сергей всегда ходил уверенно, хотя денег у него было меньше, чем у большинства тех, кто уверенности не имел. Продавщица зелени спросила, как нога. Женщина у пирожков оставила ему крайний с капустой. Виктор вдруг обнаружил целый город отношений, в котором не участвовал, пока каждый день приезжал на одно и то же предприятие.

В столовой им принесли два супа и два вторых.

— Я суп не буду, — сказал Виктор. — У меня с собой.

— А я себе два. Ты не ограничивай людей своим распорядком.

Сергей сел так, чтобы видеть улицу. Некоторое время ели молча. Он дул на ложку и всё равно обжигался, каждый раз одинаково удивляясь.

— С местом как? — спросил наконец.

— Смотрю.

— Склад наш ещё берёт. По дням можно. Погрузка, сортировка. Не подарок, но платят.

— Я пока по специальности.

— Смотри по специальности. Между просмотрами можно коробки двигать. У меня они даже документы об образовании не просили.

Виктор отодвинул тарелку.

— Не понимаю я, чего ты так спокойно.

Спирин вытер рот салфеткой, внимательно сложил её.

— Ты думаешь, я в понедельник проснулся и решил: вот наконец-то жизнь удалась, поеду на склад? Мне дома тоже хотелось в потолок смотреть. Только из потолка не платят.

Он говорил тихо, без обиды. Виктор вспомнил, что Сергею ещё платить кредит за машину, а жена после сокращения из швейного цеха так и не нашла постоянного места.

— Я не в этом смысле.

— Я знаю. Ты в хорошем. Ты всегда в хорошем смысле, только снаружи иногда не видно. Официантка забрала пустую тарелку. Сергей придержал вторую.

— Не торопитесь, у меня ещё второй суп впереди.

Виктор улыбнулся. Он уже несколько дней не слышал разговора, в котором не нужно было объяснять, почему находится здесь в рабочее время.

Сергей достал из сумки бумагу.

— Раз уж застал. Посмотри. Тут я написал, а они сказали — неправильно.

Это было заявление о неоплаченных сменах на прежней подработке. Начиналось со слов «Сколько можно». Дальше шёл вполне точный перечень дат и часов, перемежавшийся вопросами, на которые работодатель вряд ли захотел бы отвечать.

— Начало уберём, — сказал Виктор.

— Самое сильное место?

— Самое бесполезное. Вот это ставь первым: работал тогда-то, оплата такая-то, не получено столько-то. И приложить, чем подтверждается.

— Умеешь ты у человека душу из текста вынуть.

— Зато деньги вернутся.

Сергей придвинул ему ручку. Виктор переписал заявление на обороте рекламного листка. Уточнил две даты. Пока писал, почувствовал, как возвращается знакомая лёгкость: беспорядок можно было разобрать, назвать, привести к решаемому виду.

— Вот. Так лучше.

— Спасибо.

Спирин взял лист осторожно. Виктор неожиданно смутился этой простой благодарности.

— С Ромкой говорил? — спросил он.

— Нет. Надо набрать. Он, говорят, собирается уезжать.

— И я не набрал.

Они помолчали. На предприятии встречались каждый день и потому считали, что всегда успеют поговорить. Теперь оказалось, что для разговора нужно отдельно захотеть и позвонить.

— Насчёт смен я узнаю, — сказал Виктор. — Не каждый день.

— Да хоть одну. Только заранее скажи, чтобы пропуск сделали.

Слово ударило знакомо, но Спирин не мог этого заметить. Он уже искал в телефоне номер бригадира.

— Серёг. Ты пока не рассказывай нашим.

Сергей поднял глаза.

— Что именно? Что я тебя супом кормил? Это всё равно никто не поверит.

— Про работу.

— Ладно.

Он не спросил почему, и Виктор был благодарен ему за это сильнее, чем за предложенные смены.

Из столовой вышли втроём: Сергей позвал молодого парня со склада, который как раз проходил мимо. Парня звали Руслан. Он говорил быстро, смотрел прямо и сразу уточнил, есть ли у Горина подходящие ботинки.

— Есть.

— Перчатки дам запасные. Только не эти тонкие садовые, в них неудобно.

Он вынул из рюкзака пару плотных серых перчаток. Виктор взял их, спрятал в сумку, потом переложил глубже.

Сергей этого не прокомментировал.

На перекрёстке разошлись. Виктор шёл к машине и чувствовал ладонью через ткань прямоугольник старого пропуска. Под ним лежали новые перчатки. В сумке они занимали почти одинаковое место.

Глава 6

Комната в масштабе

Тридцать восемь сантиметров не хотели помещаться в Дашину квартиру.

На листе всё сходилось. В действительности от края шкафа до двери оставался проход, в котором нужно было поворачиваться боком, если нести таз. Даша снова прижала рулетку к плинтусу.

— Пап, поддержи.

Отец встал в дверях с кружкой.

— Я же тебе сказал: четыре двадцать.

— Здесь не четыре двадцать.

— Здесь стена ушла. Дом старый.

— На тридцать восемь сантиметров?

Он поставил кружку, взял рулетку. Выдвинул ленту так резко, что она сложилась, и оба отступили.

— Устройство у тебя так себе.

— Это твоё устройство.

Отец посмотрел на ручку, узнал трещину и хмыкнул.

Они перемерили комнату. Потом дверной проём и выступ возле окна. Оказалось, отец помнил общий размер вместе с нишей у окна. Для Дашиного стеллажа требовалась длина ровной стены.

— А ты уверенно так говорил, — сказала Даша.

— Потому что уверенно помнил.

Она хотела пошутить, но отец уже наклонился над рисунком.

— Вот этот шкаф надо убрать. И стол у окна правильное развернуть.

— Там тогда блик на экране.

— Штору повесишь.

— Пап, можно я сначала покажу, что придумала?

Он замолчал.

Даша рассказала про высокий стеллаж, за которым могла бы сидеть с работой, не чувствуя, что находится у всех на дороге. Про лампу под полкой. Про выдвигающуюся доску, на которой удобно резать бумагу. Отец слушал и смотрел туда, где рисунок расходился с привычной квартирой.

— Тут тесно будет.

— Мне сейчас тесно. Я для этого и делаю.

Слова вышли резче, чем она хотела. Виктор выпрямился. Даша увидела, как лицо у него на секунду закрылось, и стала быстро объяснять про задание, про учебный масштаб. Он кивнул, сказал, что понял, и забрал остывший чай.

Она осталась с рулеткой. Папа помог. Размеры стали правильными. Почему тогда разговор так неприятно закончился?

Вечером Даша встретилась с Настей у реки. Возле спуска красили перила; на сером асфальте лежали синие капли. Настя листала объявления об учёбе в соседнем городе, где собиралась поступать на экономическое.

— У нас оттуда автобус каждый час. Буду домой кататься.

— Я не хочу каждый час домой кататься.

— А чего хочешь?

— Уехать нормально. Учиться, жить. Не всю жизнь же здесь торчать.

Настя убрала телефон.

— Спасибо. Я вот планирую торчать. Учиться и работать. Не знала, что это такой провал.

— Я не про тебя.

— Ты про место, где я буду. Это почти рядом.

Даша посмотрела на воду. В детстве она считала, что большая река обязательно ведёт к большой жизни, если долго идти вдоль берега. Теперь понимала, что можно идти сколько угодно и всё равно вернуться в тот же двор.

— Извини. Я плохо сказала.

— Ты всегда плохо говоришь, когда боишься.

Это было слишком верно и потому особенно обидно.

Некоторое время они сидели молча. Мимо прошёл мужчина с удочками, на концах которых висели одинаковые пластиковые колпачки. Настя вдруг сказала, что удочки похожи на школьников в шапках, и Даша засмеялась раньше, чем успела решить, закончилась ли ссора.

Домой она пришла до темноты. Мама разбирала фотографии на ноутбуке. У одной женщины на снимке было лицо, удивительно похожее на лицо преподавательницы рисования.

— Родственница? — спросила Даша.

— Не знаю. Сходство иногда просто так достаётся.

Она села рядом. Мама позволила ей посмотреть несколько кадров, потом закрыла ноутбук: устала. От этого движения Даша почувствовала острый, бесполезный стыд за разговор у реки. Ей хотелось уехать отсюда, а мама радовалась тому, что нашла фамилию человека, который стоял в этом городе семьдесят лет назад.

— Мам, может, мне поближе смотреть?

— Что поближе?

— Учёбу.

Марина подумала.

— Посмотри. Только сначала пойми, чему хочешь учиться.

— А ты как?

— Я пока на архитектурное не собираюсь.

Мама улыбнулась. Даша тоже, хотя улыбаться было трудно.

Даша попробовала найти ответы сама. На одном сайте названия дисциплин выглядели так, будто их составляли для людей, уже окончивших обучение. На другом нашла фотографии студенческих работ и задержалась над ними дольше, чем собиралась. Не всё понравилось. Это неожиданно помогло: можно было выбирать не между великим будущим и провалом, а между конкретными занятиями, которые ей хотелось или не хотелось делать. Она сохранила две страницы, подписала, что именно заинтересовало. Потом вышла на кухню и попросила маму посмотреть вместе, когда та сможет.

Ночью она перечертила план квартиры. В маленьком масштабе стиральная сушилка казалась ничтожной, почти смешной вещью. В настоящей комнате она перегораживала дорогу к окну. Даша подвинула линию стеллажа, оставив проход шире. Потом на другом листе написала названия трёх учебных заведений.

Под каждым оставила место для вопросов.

Глава 7

Чужая спина

Руслану было двадцать шесть, и он называл Виктора на «вы», пока тот не попытался в одиночку поднять тяжёлую коробку.

— Стой. Положи. Теперь вместе.

Виктор выпрямился слишком быстро. В пояснице тупо потянуло. Боль ещё не началась, но Виктор уже знал, где она будет к вечеру.

— Нормально я.

— Верю. Коробка не верит. Бери отсюда.

Они перенесли груз. Руслан показал, где у упаковки усиленный край, как удобнее развернуть и почему на мокрую ленту лучше не надеяться.

— Не спеши. Скорость потом будет. Сначала чтоб домой весь ушёл.

Горин хотел ответить, что тридцать лет работает с людьми и техникой. Посмотрел на коробку и промолчал: тридцать лет не объясняли, за какое место браться именно сейчас.

На складе было прохладно. Сквозняк гулял под воротами, запах картона смешивался с запахом нагретой пыли. За стеной периодически падало что-то металлическое; никто не обращивался. Здесь знали, какой звук требует внимания, а какой принадлежит обычному дню. Виктор пока не различал.

Бригадир отметила его фамилию на листе.

— Горин? От Спирина?

— Да.

— Перерыв в двенадцать. Если нужно раньше — говорите. На выезде журнал подписать. Деньги за смены в конце недели, не забудьте карту подтвердить.

Она разговаривала быстро и по делу. Ни одного вопроса о прежнем начальстве. Горин почувствовал облегчение, а потом странную обиду: его прошлое оказалось никому не нужно даже для знакомства.

К одиннадцати мокрая футболка остыла на спине. Он стал беречь движения. Сначала это казалось поражением, потом обнаружилось, что так действительно быстрее. Коробка, поставленная сразу удобно, не требовала ещё одного подъёма.

У ворот образовалась пробка. Тележки с принятым товаром мешали подготовленным к отправке. Виктор некоторое время смотрел, потом предложил Руслану сдвинуть пустые поддоны к дальней стене и поменять два ряда местами.

— Начальница разрешит? — спросил тот.

— Спросим.

Виктор подошёл и объяснил. Бригадир посмотрела, выругалась на оставленные кем-то поддоны и разрешила. Через десять минут проезд освободили.

— Вот так лучше, — сказал Руслан.

Это была вся награда. Никто не попросил Горина остаться руководить складом. Люди продолжили работать, и он продолжил вместе с ними.

На перерыве ели из пластиковых контейнеров. У одного мужчины был суп и большая металлическая ложка с выгнутой ручкой. Горин вспомнил понедельник и достал свою.

— Снабжение предусмотрело, — сказал он.

— Жена? — спросил Руслан.

— Она.

— У меня пока самоснабжение.

Они обсудили столовую, маршрутку, сериал, в котором врач всё время расследовал убийства вместо работы. Кто-то сказал, что так и до прокуратуры в больнице дойти можно. Горин неожиданно рассказал, как на предприятии однажды перепутали шкафы с личными вещами и документацией, и полдня искали чертёж в чужом пакете с носками.

Рассказ приняли без удивления. Производство в нём никого не делало важнее остальных. Это было просто смешно.

После обеда он устал так, что перестал придумывать, как выглядит со стороны. Остались вес, расстояние и необходимость поставить ровно. На улице темнело, когда Виктор получил отметку за смену. В машине некоторое время не мог удобно устроить плечи.

Марина позвонила, спросила, купить ли сметану. Он сказал, что заедет сам.

— Ты чего такой выдохшийся?

— Весь день на ногах. При передаче таскать пришлось.

Она посочувствовала. Это оказалось хуже вопроса.

Дома Виктор долго мыл руки. Вода была горячей, кожу на больших пальцах щипало. В зеркале отразилась голубая рубашка на вешалке: он переодевался в машине перед возвращением, неудобно, задевая локтем руль.

Марина попросила достать с антресоли противень. Руки не сразу поднялись.

— Да что они там на тебя взвалили? — сказала она.

Виктор передал противень и пожал плечами.

За ужином Даша рассказывала про новую преподавательницу. Он слушал, подперев голову, и едва не уснул. Когда дочь замолчала, понял, что пропустил вопрос.

— Что?

— Ничего. Иди ложись.

Он хотел остаться. Хотел рассказать про Руслана, про освобождённый проезд, про честно прожитый тяжёлый день. Но для этого понадобилось бы сначала объяснить всё, что было до него.

Виктор отнёс тарелку в мойку и ушёл в комнату.

Глава 8

Инструмент

Покупатель пришёл с маленьким фонариком и собственным удлинителем.

Горин сразу перестал считать его человеком, которому можно быстро показать работающую дрель и договориться о цене. Мужчина внимательно посмотрел кабель, шильдик, патрон. Попросил включить под нагрузкой.

— Ты ещё паспорт у неё проверь, — сказал Виктор.

— Паспорт не крутит.

Он говорил без раздражения. Поставил удлинитель на пол, придержал его ботинком. На руке был старый след ожога, побелевший и блестящий.

Горин назвал цену.

— Дорого.

— За новую посмотри.

— Я за старой пришёл.

Торговались долго. Оба понимали, сколько стоят хорошие вещи, и оба надеялись, что другой хотя бы ненадолго забудет об этом. В конце сошлись на сумме, после которой Виктор потерял чуть больше, чем собирался, а покупатель сэкономил чуть меньше.

— Возьмёшь ещё зажимы?

Мужчина посмотрел.

— Их сколько?

— Четыре. Все рабочие.

— Тогда с ними вот столько.

Снова торговались.

Когда покупатель ушёл, в гараже стало заметно тише, хотя он почти не шумел. Виктор присел на табурет. На верстаке лежал пустой футляр от дрели: покупатель сказал, что ему неудобно везти, и забрал инструмент в сумку.

Горин открыл банковское приложение. Восемнадцать тысяч за всё, что сегодня отдал. Хорошие деньги, если считать их заработком дня. Совсем другие, если помнить, как долго выбирал и покупал каждую вещь.

Он отложил телефон.

Покупатель позвонил через десять минут. Не мог разобраться с одним переключателем. Горин объяснил, попросил не давить, дождался, пока получится. Мужчина сказал спасибо и неловко добавил, что цену всё-таки сбил, наверное, зря. Виктор ответил, что договорились уже, назад переигрывать не нужно. После звонка стало чуть легче. Вещь ушла не в никуда. Ею будут работать, и человек теперь знает, кому задать вопрос. Горин проверил, не оставил ли покупатель свой удлинитель, и только потом вернулся к телефону.

На стене висела полка, которую собирал ещё отец. В её переднем ребре сохранилась вмятина от молотка. Виктор тогда был подростком и промахнулся. Отец не ругался, только сказал: «Теперь узнаем нашу, если кто украдёт». В тот год на заводе месяцами задерживали деньги. Отец приходил поздно, пах известью и отвечал на вопросы матери одним и тем же: «Нормально. Объект сдаём».

Виктор долго считал, что именно так и выглядит взрослый мужчина: всё знает, всё умеет, о трудном разговаривает только после того, как оно закончилось.

Теперь помнил, как однажды мать пересчитывала монеты на проезд и спросила отца, почему он не сказал. Тот вспыхнул: «А что бы изменилось?» Мать убрала монеты и больше не спрашивала. В детстве Виктор решил, что она согласилась. Сегодня впервые усомнился.

Он встал, снял со стены старый уровень. Проверил пузырьёк, хотя никто не спрашивал, точно ли тот показывает. Потом вернул на место.

Нужно было выставить ещё тиски. Они были лишние, почти не пользовался. Сделал фотографии, набрал описание. Написал «продаю за ненадобностью» и некоторое время смотрел на эти слова.

Позвонила Марина.

— Ты в гараже?

— Да. Порядок навожу.

— Тогда возьми форму для пирога. В коробке у двери.

— Дашина?

— Моя. Дашина пока на бумаге. Она сегодня решила, что кухня у нас неправильная.

— Она вчера решила, что весь дом.

— Неплохое начало для архитектора.

Горин улыбнулся. Посмотрел на коробки, нашёл форму, обёрнутую полотенцем. Марина всегда заворачивала вещи так, будто они собирались надолго остаться без человека, который знает, как с ними обращаться.

По дороге он оплатил интернет и старый кредит. Часть выручки растворилась сразу. Остаток положил отдельно на ближайшую поездку.

Дома Марина сидела с ноутбуком, а Даша резала бумагу на полу. Форма оказалась не та.

— Эта для запеканки, — сказала жена. — Я круглую просила.

— Обе круглые.

— Вот поэтому я с тобой и не обсуждаю рецепты.

Виктор поставил форму на стол, сообщил, что пришла доплата с предприятия. Марина подняла глаза.

— Хорошо. Значит, пока не трогаем то, что на учебную поездку?

— Не трогаем.

Она снова вернулась к экрану. Даша попросила подержать край большого листа. Он присел, прижал бумагу ладонью и заметил на пальцах светлые прямоугольники, где под перчатками ещё не успела загрубеть кожа.

Ночью Виктор вспомнил пустой футляр. Можно было выбросить его сразу. Но он закрыл крышку и поставил на прежнее место, на самый край отцовской полки.

Из комнаты донёсся Маринин голос:

— Вить, ты спишь?

— Нет.

— Завтра поговорим немного?

— О чём?

— О нас. О деньгах. Как-то всё время мимо.

Он ответил не сразу.

— Конечно.

Глава 9

Просто скажи

Марина начала с коммунальной квитанции, потому что с неё было легче.

— Здесь за воду больше. Посмотри потом, это по счётчику или перерасчёт?

Виктор взял лист, придвинул очки, которыми пользовался только для мелкого шрифта.

Она дождалась, пока он закончит.

— Разберусь, — сказал он.

— Я не только про квитанцию.

Даша ушла на занятия. На кухне работал холодильник. В последние недели Марина стала замечать, как много звуков возникает в доме, когда люди подбирают слова.

— У вас что с переводом?

— Тянут.

— А зарплата сейчас как?

— Там по-разному. Часть закрыли, часть потом.

— Тебе место точно оставляют?

Он посмотрел на неё поверх очков.

— Марин, я же сказал.

— Я помню. Я ещё раз спрашиваю.

Виктор снял очки. В глазах появилась усталость, и Марина чуть не отступила. Узнала собственное движение: человеку тяжело, значит, вопрос нужно сделать удобнее. За лето вокруг неё самой так ходили, и от этого становилось одиноко.

— Можно вместе посчитать, — продолжила она. — У меня есть записи. Занятия Дашины пока оставим. Но вот поездку на открытый день можно попроще. И я не каждый раз должна ехать с тобой на машине.

— Не каждый день такое случается. Обойдёмся.

— Что именно случается?

Он отвёл взгляд к окну.

— Реорганизация. Пока новое направление запустят, люди без ясности сидят.

— Ты тоже без ясности?

— В определённой степени.

Марина почувствовала, как язык разговора стал заводским. В этом языке невозможно было понять, страшно человеку или обидно. Зато всегда можно было перенести срок.

— Просто скажи, если стало хуже, чем ты думал.

Он потянулся через стол, положил ладонь на её пальцы.

— Я всё контролирую.

Ей хотелось поверить. Она и поверила — не словам о контроле, которые сами по себе ничего не значили, а руке, голосу, человеку напротив. Двадцать три года нельзя было каждое утро начинать проверкой.

— Хорошо. Только контроль мы с тобой раньше вдвоём оплачивали. Не забывай.

Он улыбнулся.

— Сейчас я за двоих потяну.

Она осторожно высвободила руку, взяла чашку.

— Люда спрашивала, могу ли я дома описи добрать. Там небольшие деньги, но и работа небольшая.

— Тебе бы отдохнуть.

— Я отдыхаю двадцать часов в сутки. Мне уже снится, что меня положили на зарядку и забыли включить розетку.

Виктор засмеялся, но затем снова стал серьёзным.

— Не надо себя нагружать.

— Мне иногда нужно чем-нибудь занять голову, кроме неё самой.

Он не сразу понял, о чём она, и Марина обрадовалась этой заминке. Значит, хоть ненадолго услышал новое.

После разговора Виктор ушёл за продуктами. Она разложила на столе свои записи. Продукты, коммунальные, поездки, старый кредит. Цифры были обычными, почти скучными. Если уменьшить необязательное, переставить сроки, подождать с новой одеждой, жизнь не разрушалась. Марина знала, что потеря работы в их возрасте страшна. Именно поэтому хотела участвовать до того, как страх станет единственным участником разговора.

Она написала Люде, что возьмёт описи. Через минуту пришёл большой файл и осторожное «не торопись». Марина открыла первую страницу. Улица, год, фотограф, подпись на обороте. У некоторых снимков обороты отсутствовали: когда-то их приклеили к плотной бумаге и потеряли то, что было написано сзади.

Не всё удавалось восстановить.

Вернулся Виктор. Принёс яблоки, хотя она их не просила, и показал маленькую скидку в чеке. Выглядел довольным удачной покупкой.

— Кислые, — сказала Марина, попробовав.

— Продавец сказал сладкие.

— Он, видимо, человек широких взглядов.

Виктор взял яблоко, откусил, поморщился.

Она засмеялась. На несколько секунд всё стало таким, как раньше, и Марина позволила себе не продолжать утренний разговор. Он обещал сказать, если что-то изменится. Значит, пока можно было вернуться к своему файлу.

Вечером она положила квитанцию рядом с его телефоном. Виктор заметил, кивнул и убрал её в сумку.

Глава 10

Человек с опытом

Ланской написал в четверг: «Виктор Анатольевич, добрый день. Вы ещё на площадке или уже свободны? Есть тема по производству, хотелось бы обсудить».

Горин прочёл сообщение дважды. Особенно последнее слово. В последние недели с ним в основном уточняли, заполнил ли он форму и подходит ли ему зарплата. Обсуждать предлагали впервые.

Встретились в кафе возле старого кинотеатра. Дмитрий Ланской почти не изменился: та же быстрая улыбка, аккуратная борода, часы, на которые он смотрел так, будто время принадлежало ему, но требовало внимания.

Когда-то Ланской поставлял заводу комплектующие. Были задержки, но потом всё закрыли. Виктор помнил нормальный деловой разговор без обещаний невозможного. Это имело значение.

— Как Марина? — спросил Дмитрий.

Горин удивился.

— Ты откуда?

— Вы летом говорили, что не сможете на встречу, в больницу нужно. Не стал тогда спрашивать.

— Лечится.

— Пусть поправляется. Что вам взять?

Виктор заказал чай. Ланской — кофе и сэндвич, который потом почти не тронул.

— Фирма «Тёплый контур», — начал он, подвигая визитку. — Нужен человек, который понимает, как работа делается. Небольшие дома, готовые комплекты, сборка. Идёт заказ, ребята умеют, но порядка нет. Каждый занят, результата ждём. Вам знакомо.

Виктор кивнул.

— Собственное производство?

— Мастерская. Часть у подрядчиков. Я бы показал. На словах всё одно и то же, пока не увидишь.

— Конструктор есть?

— Есть приглашённый специалист. Мне от вас не расчёты нужны. Люди, материалы, этапы. Чтобы заранее было понятно, что завтра делаем.

Это действительно было знакомо. Горин спросил о численности, помещении, сезонности, о том, кто принимает готовое. Ланской отвечал не на всё точно, но не пытался изображать технического специалиста. В этом тоже было что-то располагающее.

— На месте посмотрите. Где я путано объясняю, сами увидите.

Чай остыл. Виктор впервые за месяц не заметил этого.

— По деньгам девяносто, — сказал Дмитрий. — Дальше по результату. Но сначала надо понять, подходим ли. Я могу обещать хоть сто пятьдесят, толку? Мы потом каждый со своей обидой уйдём.

Девяносто было немного больше прежнего. Не невероятно много — как раз столько, чтобы перестать пересчитывать ближайшие месяцы. Горин заставил себя спросить:

— Оформление?

— Обычное. Обязанности пропишем. Пока от вас участие в организации и подтверждении производственных этапов. Нужен ответственный человек. С нынешними по телефону одно, приезжаешь — другое.

За окном проехал автобус. В нём стояли люди с одинаково наклонёнными головами. Виктор вспомнил, как на прошлой неделе ехал обратно со склада и боялся уснуть, чтобы не пропустить остановку: в тот день Люда возила Марину на его машине. В кафе сидеть было тепло, и человек напротив называл его по имени и отчеству.

— Давайте посмотрим, — сказал он.

Ланской заметно обрадовался, но не слишком. Уточнили день. Когда подошёл официант, Дмитрий оплатил счёт, даже не прервав разговора о подъезде к мастерской.

Перед уходом Виктор ещё спросил, как действуют, если заказчику обещан срок, а производство не успевает. Ланской ответил: заранее сообщают, договариваются, фиксируют новый. Иногда сердятся, конечно. Горин кивнул. Именно такой ответ он хотел услышать. Не гарантированного отсутствия трудностей, а понятного порядка, при котором человек узнаёт о задержке до того, как приедет за результатом. Он ещё не видел, как этот порядок работает в плохой ситуации, но усталость нескольких недель помогла принять правильные слова за уже выполненную проверку.

На улице пожал руку.

— Я вам адрес скину. Рад, что вы свободны. Честно.

Свободны. Слово, которым можно было назвать отсутствие места, неожиданно звучало как преимущество.

Горин остался на тротуаре и достал телефон. От ремонтного центра было пропущенное сообщение: вакансию закрыли, благодарят за интерес. Он прочёл спокойно. Уже не имело значения.

Вечером Марина заполняла в календаре следующий месяц. Виктор сел рядом.

— По работе появилась ясность.

Она отложила ручку.

— Перевод?

Вопрос стоял перед ним, простой и прямой. Можно было поправить: новое место, сам нашёл, старого уже нет. Но тогда пришлось бы вернуться ко всем прошедшим неделям, к коробкам, к проданному инструменту, к уверенности, которую он ежедневно приносил домой.

— Другое направление. К партнёру, — сказал Виктор. — Небольшое производство. Посмотрю на следующей неделе.

— Тебе подходит?

— Вроде да.

Марина улыбнулась не сразу. Сначала будто проверила, можно ли на этот раз расслабиться. Потом положила руку ему на плечо.

— Ну и хорошо. Расскажешь, когда помотришь.

Он поцеловал её пальцы. Даша из комнаты крикнула, что они опять всё обсуждают без неё.

Горин позвал дочь, начал рассказывать про дома и мастерскую. С каждым произнесённым словом новая работа становилась реальнее, а всё предшествующее казалось всё менее нужным для рассказа.

Часть вторая

Временные решения

Глава 11

Настоящая мастерская

Первым Горин увидел мешок с крепежом посреди прохода.

Он остановился, чтобы не наступить, и заметил второй, раскрытый возле верстака. Работник в защитных очках искал в нём нужную упаковку. Через полминуты пошёл к шкафу на противоположном конце помещения.

— Тут немного тесновато, — сказал Ланской.

— Тут далеко, — ответил Виктор.

Дмитрий посмотрел на него.

— Между собой далеко всё. Сейчас этот парень ещё раз вернётся. У него материал здесь, инструмент там, крепёж вообще в проходе.

Работник действительно вернулся, нёс пустую коробку. Виктор подождал, пока тот снимет очки.

— Можно спросить? Кто раскладывает перед сменой?

— Кто первый пришёл.

— А список на день?

— У Дениса. Если он уже знает.

Денис оказался молодым мастером с обветренным лицом. На объяснения не обиделся, но сразу предупредил, что по картинке здесь ничего не поймёшь, нужно пожить неделю.

— По картинке я бы мешка в проходе не увидел, — сказал Горин. — Покажи, как идёт.

Они прошли от зоны заготовок до готовых элементов. Виктор спрашивал, слушал, несколько раз возвращался. На стене были схемы, подписанные разными руками. Некоторые обозначения не совпадали с тем, что говорили рабочие. Возле выхода стояли собранные детали с временными бирками.

— Что готово?

Денис назвал два заказа и один этап. На вопросы о расчётах конструкции отправил к приглашённому инженеру. Виктор записал фамилию.

— Мне сразу его заключения нужны. Я дерево по нагрузкам вам на глаз принимать не буду.

— Это правильно, — сказал Денис без привычной для таких слов насмешки.

К обеду у Горина болела голова от необходимости удерживать новый порядок вещей. Но это была знакомая боль, за которой мог последовать результат. Ничего общего с целым утром в поиске вакансий.

Ланской принёс еду в пакетах. Рабочие расселись кто где. Виктор спросил, можно ли перенести запас крепежа и выделить постоянную площадку для следующего комплекта. Денис сказал, что можно, только кладовщик привык иначе.

— Он за удобство отвечает или за привычку?

— Вы ему это сами скажите. Мне он родственник.

Все засмеялись. Выяснилось, что родственник дальний и потому возражает особенно уверенно.

После обеда Горин помог передвинуть свободный стеллаж. Денис сам разметил место. Уложили нужное на завтрашнюю работу. Двое рабочих переглянулись и продолжили, не ожидая отдельного распоряжения. Уже меньше ходили через весь цех.

— Вот за этим и звал, — сказал Дмитрий.

Горину захотелось возразить, что пока ничего не сделано. Вместо этого спросил, где можно спокойно посмотреть текущие заказы.

В маленькой комнате за мастерской стоял стол, полка, электрический чайник. Ланской переложил папки с одного края на другой.

— Пока здесь. Потом кабинет отделим, если пойдёт.

— Не нужен мне кабинет.

Но сел с удовольствием. Проверил, не шатается ли стул. Подвинул лампу.

Дмитрий показал общую таблицу. Номера, размеры, этапы, сроки. Горин спросил о договорах и тех, кто ждёт дольше остальных.

— Дам отдельно. Тут производственная часть, в ней лишнего меньше.

— Мне лишнее тоже нужно. Чтобы не сделать то, что пока не отгружается, и не оставить срочное.

— Соберём. Сегодня бухгалтер не на месте.

Разумное объяснение. Виктор записал вопрос, не стал спорить. На предприятии документы тоже никогда не появлялись все одновременно; сначала нужно было понять, кто за что отвечает.

К вечеру Ланской уехал. Денис зашёл попрощаться.

— Завтра будете?

— Пока договариваемся.

— Понял. Я список тогда сюда оставлю.

Он положил лист на стол. На нём было семь фамилий и коротко написано, кто что делает утром. Нижний угол загнулся. Горин расправил его ладонью.

Домой можно было ехать сразу. Он остался, перечитал список, подписал к одной фамилии уточнение, позвонил Денису и согласовал. Потом сложил пустые коробки у двери. Ничего из этого не требовало начальника производства. Но пока он находился здесь, завтрашний день имел место.

Марине написал, что задерживается и всё в порядке. Приписал: «Работа настоящая».

Посмотрел на сообщение и удалил вторую фразу. Отправил только первую.

Глава 12

Сданный дом

Хозяйка попросила разуться и сразу показала пятно возле окна.

— Вот здесь, видите? Ваши сказали, высохнет. Не высыхает.

Ланской присел, потрогал край подоконника, сфотографировал.

— Уточним. В среду ребята будут рядом, зайдут.

— Вы мне среду уже обещали.

— Тогда давайте при вас позвоню.

Он действительно позвонил, договорился, передал женщине телефон. Она выслушала, уточнила время. Виктор стоял в прихожей в носках и смотрел на ботинки, аккуратно поставленные чужой рукой к стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.